ПОЭТОГРАД

№ 45 (19)
Октябрь
2015

Народная литературная газета

Газета Союза писателей XXI века и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»

Газета выходит с 2010 года 4 раза в месяц

В номере:

Поэзия

Ольги Андреевой,

Олеси Рудягиной

и Михаила Фисенко

Выдающийся поэт России

Инна Кабыш

Премия «Слово» -

писателям Подмосковья,

Урала и Сибири

Журнал

«Дети Ра»

Пьедестал

Поэтограда

ВЫДАЮЩИЙСЯ ПОЭТ РОССИИ

ИННА КАБЫШ

* * *

Кто варит варенье в июле,
тот жить собирается с мужем,
уж тот не намерен, конечно,
с любовником тайно бежать.
Иначе зачем тратить сахар,
и так ведь с любовником сладко,
к тому же в дому его тесно
и негде варенье держать.

Кто варит варенье в июле,
тот жить собирается долго,
во всяком уж случае зиму
намерен пере-зимовать.
Иначе зачем ему это
и ведь не из чувства же долга
он гробит короткое лето
на то, чтобы пенки снимать.

Кто варит варенье в июле
в чаду на расплавленной кухне,
уж тот не уедет на Запад
и в Штаты не купит билет,
тот будет по мертвым сугробам
ползти на смородинный запах...
Кто варит варенье в России,
тот знает, что выхода нет.

(Стихотворение с сайта http://www.erfolg.ru/hall/inna_kabysh.htm)

СОБЫТИЕ

ПРЕМИЯ «СЛОВО» - ПИСАТЕЛЯМ ПОДМОСКОВЬЯ, УРАЛА И СИБИРИ.

26 сентября на церемонии закрытия книжной ярмарки «Тарки-Тау 2015» в столице Республики Дагестан Махачкале были подведены итоги конкурса на соискание первой премии литературных журналов в номинации «Слово». Учредителями премии в 2015-м году выступили редакции литературных журналов, альманахов, кураторы литературных сетевых порталов и других периодических изданий, посвященных поддержке литературного процесса на русском языке в разных странах мира: Анатолий Аврутин («Новая Немига литературная», Минск), Владислав Артёмов («Москва», Москва), Николай Алешков («Аргамак», Набережные Челны), Юрий Беликов («Dikoross.ru», Пермь), Марат Гаджиев («Горцы», Махачкала), Вера Зубарева («Гостиная», Филадельфия), Евгений Минин («Литературный Иерусалим», Иерусалим), Александр Петрушкин («Мегалит», Кыштым), Марина Саввиных («День и Ночь», Красноярск), Евгений Степанов («Читальный зал», Москва), Сергей Сутулов-Катеринич («45 параллель», Ставрополь), Михаил Щукин («Сибирские огни», Новосибирск).

Из Положения о литературной премии «Слово»: «Правом выдвижения кандидатов на получение литературной премии "Слово" обладают редакции изданий-учредителей. Для организации конкурсного процесса ежегодно из Учредителей избирается Координатор, полномочия которого на следующий год переходят к другому Учредителю. Каждый из Учредителей в срок до 1 августа текущего года представляет Координатору конкурса по одному кандидату в каждой номинации с точным указанием публикации, на основании которой осуществляется выдвижение. Координатор формирует и готовит для голосования список кандидатов по каждой номинации, а также организует голосование Учредителей, подводит итоги конкурса, объявляет его результаты. Каждый участник голосования отдает свой голос за одного из кандидатов в каждой номинации, кроме собственных номинантов». В 2015 году координатором премии выступила редакция литературного журнала «День и Ночь».

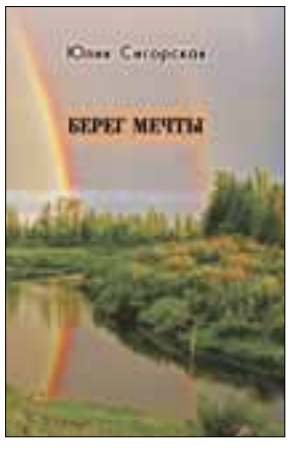
По итогам голосования лауреатами конкурса стали:
Поэт Анатолий Вершинский (Раменское, Московская область)
Прозаик Юрий Асланьян (Пермь)
Литературный критик Владимир Яранцев (Новосибирск).
Победители получили специальные дипломы «Тарки-Тау» и ценные подарки (уникальные серебряные изделия кубачинских мастеров).

Пресс-служба премии «Слово»

ПЬЕДЕСТАЛ

ТРИ КНИГИ НЕДЕЛИ

Еженедельно в рубрике «Пьедестал: три книги недели» – лучшие книги, выпущенные как издательским центром «Вест-Консалтинг», так и другими издательствами нашей страны. Это наш пьедестал почета- книги, которые мы рекомендуем вам, уважаемые читатели!



Юлия Сигорская
«Берег мечты»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

Николай Табаков
«Византия»
М.: «Вест-Консалтинг», 2015

Э. Л. Джеймс
«Пятьдесят оттенков серого»
М.: «Эксмо», 2015

НАШИ ЖУРНАЛЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ «ДЕТИ РА»

«Дети Ра» – толстый литературный журнал ПОЭЗИИ, издающийся с 2004 года.

Журнал «Дети Ра» основан в 2004 году в Саратове.

С 2011 года выходит под эгидой Союза писателей XXI века (сайт www.writer21.ru).

Слово «Ра» имеет много толкований. Это и древнее название Волги, и Бог Солнца, и русский авангард. Все эти значения в той или иной степени применительны к названию журнала. Он возник на берегах древней реки, поэты- всегда дети Солнца, и печатаются в «Детях Ра» авторы, исповедующие не только силлаботонические принципы, но также ориентированные на поиск в поэзии, ищущие свое самовитое, авангардное слово.

Главный редактор- Президент Союза писателей XXI века, кандидат филологических наук Евгений Степанов.

Издатель- Холдинговая компания «Вест-Консалтинг».

ОЛЬГА АНДРЕЕВА
ЗАКОН ПРИТЯЖЕНЬЯ

* * *

Это февральский Ростов. Это Кафка.
Серое мутное жидкое небо.
Город бессилен, контакт оборвался
оста и веста, и севера с югом.
Мерзко, но цельно зияет подсказка
в грязных бинтах ноздреватого снега:
все завершится сведенным балансом –
жадность и страх уничтожат друг друга.

Не соскользнуть бы в иллюзию. Скользко.
Под сапогом мостовая в движенье
кобры шипучей. Портовые краны
кромку заката изрезали в раны.
Тот, кто взошел на Голгофу – нисколько
не нарушает закон притяженья.
Можно об этом поспорить с Ньютоном
запанибродским этаким тоном.

Почерк врача неразборчив – подделай
все, от анамнеза до эпикриза:
может, дозиметры и не зашкалят,
только повсюду – приметы распада.
Выпить цикуту? Уйти в декаденты?
В партию «Яблоко?» В творческий кризис?
Я ухожу – я нашла, что искала –
в сказочный город под коркой граната.

* * *

Сверху падало небо, слоями на землю ложилось,
постепенно светлея. Его колдовским хороводом
заморочен, поверил бы истово в горнюю милость –
но себе не солжешь на детекторе полной свободы,
но в е-мейле у ангела тоже есть слово собака,
элевсинских мистерий двусмысленность, спесь первородства,-
не высовывай голову! Небо светлеет, однако
время плотно сжимается и надо мною смеется.

Не сливайся с пейзажем, он много сильней, он повяжет,
засосет – не заметишь, сопьешься, сольешься, сотрешься
и ни слова не скажешь – инерция пухом лебяжьим,
тихим теплым теченьем заманит, как кошку прохожий,
Одиссея – Калипсо. На пике любви и опалы
так легко раствориться в усталости сиюминутной.
Утро – свежий цветок, правда, мы в нем – какие попало,
недоспавшие зомби, измятые в тесных маршрутках.

Повинуйся порывам! Им было непросто прорваться
сквозь дремучую косность депрессий, рефлексий, амбиций –
и затеплить свечу. Не пугайся своих девиаций,
с Дона выдачи нет. Изумиться, поверить, влюбиться,
частью флоры – без ягод и листьев – немею и внемлю,
осыпается небо – доверчиво, бережно, хрупко,
и летят лепестки на прощеную грустную землю,
укрывая нежнейшим покровом нарывы и струпья.

* * *

Заманчиво спускаться вдоль ручья,
впадать в него, ликуя и звеня.
Стволы тонки и гибки, словно змеи,
они совсем не смотрят на меня
и вряд ли видят. Жаль, я не умею
назвать по именам, узнать в лицо,
прочесть тугие руны их корней.
Стремительной и солнечной работой
увлечены, вбирают влагу дней,
резных лучей несметные щедроты,
опутанные ласковым плющом.
Самшитовую веточку сорви –
и ветер обзывает фетишисткой.
Он выдувает дурь из головы,
а заодно метель пыльцы из шишек.
Как в «Аватаре» – минус, крытый мхом,
его пугливо огибаю с тыла,
об остальном подумаю потом,
когда карета превратится в тыкву.
Теперь я все доверила траве.
Пусть шаткий мостик проставляет прочерк
в моей пустой счастливой голове,
пока внизу хохочет речка Сочи.

ПЛОЩАДЬ 2-Й ПЯТИЛЕТКИ

В чудесном месте – и в такое время!
Последней лаской бередит октябрь,
плывет покой над хосписом. Смиренье
и взвешенность в струящихся сетях.

Как трудно удержаться от иллюзий.
Глазам не верю – верю своему
слепому чувству. Кто-то тянет узел
и плавно погружает мир во тьму.

Рыбак свою последнюю рыбалку
налаживает в мятом камыше,
шар золотой падет, как в лузу, в балку,
за Темерник, и с милым в шалаше

нам будет рай. Но где шалаш, мой милый,
и где ты сам? Как хорошо одной.
За этот день октябрьский унылый
прощу июльский первобытный зной.

Стрекозы, да вороны, да листва,
я, бабочки – совсем немноголюдно.
До донышка испить, до естества
прозрачный тонкий мир уже нетрудно.

Я наконец-то становлюсь спокойной,
когда уже побиты все горшки,
горят мосты, проиграны все войны
и даже стихли за спиной смешки.

В нирване пробок, в декабре, с утра,
в родимых неприветливых широтах
припомню, как скользит твоя кора,
а я не знаю, вяз ты или граб,
по времени скользя, не знаю, кто ты.

* * *

Когда рождается поэма – в жаре, в пыли,
несвоевременно, не в тему – в подол Земли,
ненужная, бледнее тени – ты знаешь все,
но легкий ветер вдохновенья тебя несет.
И лязг, и хмурые водилы, и CO_2,
и полстраны уже забыло, что есть слова,
связующие стылый космос и глаз лучи –
ты говоришь, темно и косно – но не молчишь.

Кого здесь тронут ямбы, тропы, твой легкий стих –
в местах, где есть еще дороги – но нет пути,
где выпускают из подкорки и боль, и страх,
где соль земли несется с горки в семи ручьях,
подальше от скульптурной группы там, наверху,
от их спектаклей, сбитых грубо? Поверь стиху,
не бойся, говори – умеешь, не прячь глаза,
ты знал всегда немного меньше, чем мог сказать.

Пусть проза пишется неспешно, к мазку мазок –
а стих летит во тьме кромешной без тормозов,
водораздел строки, вершина, словораздел –
и вниз ликующей стремниной, ты сам хотел.
И бабочкой порхает серфинг по злой волне,
и строки хрупкие не стерты, слышны вполне,
когда отпустит – в небе звездном споет гобой –
она возьмет тебя в свой космос, так будь собой.

* * *

Кто так коротко выстриг газоны?
жалкий ежик трехдневной щетины
на ветру, виновато-зеленый,
схвачен инеем. Рву паутину,
никого и ни в чем не неволю –
даже можете зубы не чистить,
не иду в поводу у тревоги –
хватит поводов, только причины.

Время нежных цветов отпылало –
терпкий, пряный горчит палисадник,
желтый, синий, и жесткие стебли
не согнут непокорные шеи.
Мост уходит трехмерным лекалом
к горизонту, бесстрастным глиссандо
резкий ветер акации треплет –
так позволь себе все, что умеешь.

Мы так редко себя отпускаем
полетать над прощеной землею,
но на то и октябрь. Суетимся,
все надеемся – может, успеем.
Но молитвенник на аналое,
и гроза где-то ходит по краю,
обессилев. Прощаются птицы,
и уже распевается певчий.

Каждый лист подержать на ладони –
будто карты лежат вверх рубашкой,
будто ждешь там увидеть такое,
чего не было сроду в колоде.
Но с улыбкой фальшиво-парящей,
как ворона над аэродромом,
мне предложат – коньяк или кофе,
стылый чай, разговор о погоде.

Лишь октябрь – он не может иначе –
мокрой подписью, синей печатью
заверяет в туманах творожных
наше право на вдох и на выдох,
и в объятиях сумерек прячет
суеверно иные объятья –
в лицах дождь и листва, невозможность
быть друг другом – исчезнуть из виду.

* * *

Зимы – как не было. Наверно, страшный сон,
чистилище из пуганой подкорки.
Очнулся мир – истрепанный, босой,
прозрачный. Горький, взрослый, непокорный…
В весну – без проводов и тормозов.
Глаза огромны и остры ресницы.
Так трудно начинать с ее азов.
«Я видел все» – на бледных тонких лицах.

«Что видел ты – забудь, забудь, забудь…» –
ласкает луч, щекочет – «мы играем».
Фантомный след оставила на лбу
беда неровным воспаленным краем.
И нас слегка качает от зимы,
и лес ослаб, он на ветру бледнеет,
но дышит мартом. Первобытной тьмы
полны озера, побережья немы.

Сбежать ли от того, что наяву,
к тому, что – истина? Несложное заданье.
Я заварю волшебную траву
и в щелку подгляжу за мирозданьем.
Но там – все то же. Путаный прогноз
о том, что доллар дорожает к йене.
А значит, хватит грызть граниты грез
и заниматься йогой сновидений.

Ты помнишь эту церковь на холме?
Ты помнишь – возносилась и парила
в лучах и в молниях? Но, выйдя к ней во тьме,
не допусти дешевой эйфории.
Весна влечет сверх всяких вер и мер,
и назовет ее всяк сущий в мире мистик,
и, площадью в квадратный сантиметр –
живой детеныш, виноградный листик.

Продолжение на стр. 3

Продолжение. Начало на стр. 2

ОЛЬГА АНДРЕЕВА
ЗАКОН ПРИТЯЖЕНЬЯ

* * *

Мой городок игрушечный сожгли,
И в прошлое мне больше нет лазейки.
А. Ахматова

Я родилась в игрушечном раю.
Порой он, правда, притворялся адом.
Там в голову беспечную мою
назойливо ввинтилось слово «надо»,
такое инородное. Реки
изгибы в балке прятались без счета,
казались высоки и далеки
цветные двухэтажные хрущевки.

Я родилась поддерживать очаг
и Золушкой копаться в мелочах,
учиться чечевицу от гороха
хотя бы понаслышке отличать.
И да минует случай страховой
лоскутный свет – и ласковый, и ладный,
где с миром был надежный уговор
у детства – в каждой клеточке тетрадной.

Рука слегка в чернилах – это я
теряюсь от сложнейшего вопроса –
какого цвета спинка воробья?
И бантики в горошек держат косы.

Тут раньше было дерево. Оно
пило корнями, возносилось в небо,
листвой светилось и цвело весной,
в ликующей головке быль и небыль
сплетая в пряди, дождевой водой
промытые, змеилось сквозь тетрадки.
Теперь тут только крыши чередой
и дымоходы в шахматном порядке.

Мы гаснем долго, искрами во тьме –
вдруг занявшись и описав кривую,
немыслимую, сложную – взамен
луча, стрелы, мы проживаем всуе
и неумело… Но горим пока.
Как только отпущу свое начало –
я стану тенью в роговых очках,
как все, кто больше свет не излучает.

* * *

Что эту вишню делает японской?
Изломанность пушистой гибкой кроны?
Как у адепта, принявшего постриг –
в слепом порыве головы склоненной.
Крым – в инородной пластике растений,
в мифологизмах битвы света с тенью,
в пейзажах – не с березкой да савраской,
а с безоглядной страстью самурайской.

Так неохотно почки раскрывались –
простая дань пустому ритуалу.
Как робок расцветающий физалис.
Ты прав – у моря женское начало –
взять берегов изогнутость и плавность,
невинный сон в сиянье безмятежном…
Давай сосредоточимся на главном –
как утро осязаемо и нежно.

Так что ж, теперь дежурным поцелуем
день начинать, едва заголубевший?
Боюсь, наш мир стоит не по фен-шую.
Я не опасна, но не бесхребетна.
Лоза струится вниз со всех карнизов.
Я тоже – жизнь, и я бросаю вызов.
Вливается глубокий альт озона
в сопрано свежекошеных газонов.

Я прогоню дурное ци – умею.
Не доверять себе – ну сколько ж можно?
Дракона Капчика обнять за шею,
не отягчая больше карму ложью.
Разбереди мне снова эту рану –
шаманская болезнь три года кряду.
Нарву имеретинского шафрана
и конопли – для колдовских обрядов.

* * *

Жить можно, если нет альтернатив,
с их жалостью к себе и пышным бредом.
Скажи, когда сбиваешься с пути –
я здесь живу. Не ждите, не уеду.
Вдруг, ни с чего, поймешь как дважды два –
тебя приговорили к вечной жизни –
когда плывет по Горького трамвай –
одинадцатипалубным круизным…

А в небе лето – аж до глубины,
до донышка, до самого седьмого –
акацией пропитано. Длинны
периоды его, прочны основы,
оно в себе уверено – плывет
гондолой ладной по Канале Гранде
и плавит мед шестиугольных сот
для шестикрылых, и поля лаванды

полощет в струях, окунает в зной
и отражает в колыханье света.
Так подними мне веки! Я давно
не видела зимы, весны и лета
и осени. Послушай, осени,
взгляни – и научи дышать, как надо!
…Свой крест – свой балансир – начнешь ценить,
пройдя две трети этого каната.

В клоаке лета, в транспортном аду
строчить себе же смс неловко,
оформить то, что ты имел в виду,
в простую форму. Формулу. Формовка
стихий в слова и строки допоздна –
и смежить веки в неге новой сутры.
И выскользнуть из мягких лапок сна
к ребенку народившегося утра.

МЕТРО «ТРЕТЬЯКОВСКАЯ»

Как воздушный пузырь, поднимаюсь со дна этой бочки,
на поверхность свинцовой воды, прямо к небу и свету.
Не успею вдохнуть, зачерпнуть клейковину листочка –
и забьюсь на песке, и вползу в наступившее лето
дождевою улиткой, под щедрым лучом распрямляясь,
вспоминая о сути своей, забывая о страхе;
согревая, балуя, любя, каравай преломляет
африканское лето в сияющей белой папахе.

Брошу в воду венок – приношение гению места –
одуванчики с горькой молочной и клейкой начинкой.
Мы хотели так много, любили и стоили мессы,
не нашли себе места, сбежали, пари заключили
с этим миром – и он ощетинился, зимний, колючий,
мишурой в двести вольт, и ежи обнажил – против нас-то.
Мы хотели любить его, да не представился случай
объясниться – и вот расстаемся порою ненастной.

Будьте бдительны. Не упустите за болью и страхом,
за холодной унылой усталостью кромку рассвета.
Мне легко говорить. Да и вам полегчает с утра, хоть
в душегубках маршруток беснуется дикое лето.
Тут – истерики от безысходности в душных квартирах,
там – спокойная старость на солнечных пляжах сосновых.
Тут – надсадная гонка за самым простым, примитивным,
страх утратить последнее – мелочный – снова и снова.

Отпусти меня, родина, пальцы расслабь мне на горле,
дай озона вдохнуть, отдышаться на сочинских скалах –
мне ведь много не надо. Свободы – и горе не горе,
поводок подлиннее и время дышать. Отпуская,
ты, возможно, вернешь нас – к природе, к рассудку и свету,
к этой прежней валюте, она еще кое-где ходит.
Если нет – значит те, кто добрей и слабей, не уедут,
но впадут в мракобесие – наш социальный наркотик.

* * *

Истеричный порыв сочинять в электричке,
свой глоточек свободы испить до конца,
внутривенно, по капле, ни йоты сырца
не пролить-проворонить, чатланские спички
не истратить бездарно. Побеги
по ошибке – а значит, для муки,
тянут почки, укрытые снегом,
как ребенок – озябшие руки.

На замке подсознание, ключик утерян,
не дано удержать себя в рамках судьбы –
лишь бы с ритма не сбиться. А поезд отмерит
твой полет и гордыню, смиренье и быт.
Я вдохну дым чужой сигареты.
Частью флоры – без ягод и листьев –
встрепенется ушедшее лето –
опылится само, окрылится,

и взлетит – несмышленым огнем скоротечным.
Но шлагбаум – как огненный меч – неспроста.
Но в узоры сплетаются бренность и вечность,
жизнь и смерть, жар и лед, и во всем – красота.
Этот калейдоскоп ирреален –
под изорванным в пух покрывалом –
вечно старые камни развалин,
вечно юные камни обвалов.

Это раньше поэтов манила бездомность,
а сегодня отвратно бездомны бомжи,
этот жалкий обмылок, гниющий обломок
богоданной бессмертной погибшей души.
Страшный след, необузданный, темный,
катастрофы, потери, протеста,
и в психушке с Иваном Бездомным
для него не находится места.

Не соткать ровной ткани самой Афродите –
чудо-зерна от плевел нельзя отделить.
Кудри рыжего дыма растают в зените,
на немытом стекле проступает delete.
Но в зигзаги невидимой нитью
мягко вписана кем-то кривая.
Поезд мчится. И музыка Шнитке
разрушает мне мозг, развивая.

ДОМБАЙСКОЕ

Веди меня за солнечным руном,
овечьей шерстью грей февральским утром,
пои – в морозном, синем, кружевном –
горячим терпким ягодным вином,
окутывай туманом златокудрым.
Да, это верно, дар дается в долг,
и, видимо, совсем уже недолго
мне жить в раю, где каждый свежий вдох
горчит виной несбывшегося долга.

Все деградируют. Я тоже, в их числе,
поскольку рабство – пища для планктона
косноязычного. Мне мой негорький хлеб
свободы стоит… Мягко-непреклонны
святые ели – в облаках поют –
с открыток детства – видят все, до лета –
мне надо жить, а я брожу в раю,
дышу озоном и пою куплеты

из мантр БГ. Цветные тиражи,
туманы, океаны, миражи,
несметных птиц Твоих живые лики,-
квадриллионы злаков, трав и листьев,
единых в миллионах вариаций.
Ты прав, что не желаешь повторяться
и штамповать, как мы – поступки, сны, –
в безвольном ожидании весны.

Сквозь времена нас вечно тянет в сад,
откуда изгнаны, в ущелья и леса,
но мы уходим вниз – в поту лица
искать свой хлеб и прочее иное
ненужное, и подличать спиною,
неся потенциал своей судьбы
в глазах и незадачливых движеньях.
Я здесь – на лыжи – вниз, стремленье быть –
сильнее логики – в простом скольженье

есть счастие. Как этой ели, мне
судьба тянуться к солнцу неустанно,
и удержать на сильных лапах снег,
храня его слепую первозданность.
Сосновых шишек на меду настой,
тепло глинтвейна и подол тумана…
Пока не стала серой и глухой –
разбереди мне снова эту рану.

В уютной чаше старого Домбая
еще раз убедиться, что живая.

Продолжение на стр. 4

Продолжение. Начало на стр. 2-3

ОЛЬГА АНДРЕЕВА
ЗАКОН ПРИТЯЖЕНЬЯ

УШЕДШЕМУ ЛЕТУ И НОВОМУ ФОНТАНУ НА НАБЕРЕЖНОЙ

Слабо?
О том, как мириады...
нет, много, ладно, миллионы –
лианы, радуги, дриады,
в твоем сознанье воспаленном –
здесь, наяву, потрогать можно
и не обжечься – но – не примут
в свой светлый танец
весь промокший
будь даже балериной-примой –
смешно и думать. Просто внемли,
благоговей, вбирай,
наполни все капилляры,
жилы, нервы.
...вольны – дискретны –
снова волны...

О том, что не фонтан – умеешь,
а тут – фонтан!
И ты бессилен
взгляд оторвать
гипноз
важнее нет ничего
вот разве синью пунцовой
вглубь чернеет небо
чего ж еще? – вода струится
сливается, дробится в небыль
и возвращается сторицей
как те слова...
сто леопардов
лиловых золотых зеленых –
их ловят дети – прыгать, падать,
глотать осколки брызг соленых

спеши, пиши его с натуры
насколько хватит ямбов, красок,
его сложнейшей партитуры
не исчерпать речевкой страстной,
и этот хор – его кантаты,
их бесконечное кипенье –
вода – пылающие кудри,
о, детвора на карусели
вот так смеется, пенье статуй,
огня, занявшегося пеной,
всем водопадом перламутра
в тебя впадает
воскресенье

* * *

Солнца нет, но листвы желтизна
создает ощущенье тепла.
Как щедры напоследок тона,
как вольна их недолгая власть.
Сквер светлеет пронзительным светом –
но пока наверху крановой.
Не надышишься впрок бабьим летом –
все зима изымает с лихвой.

Там, где сладко дохнуло травой,
и подсолнухов плавился рай,
и тебя отпускало – конвой
чувства долга, тревог мишура –
не укрыться. Отчаялись листья
на последний и сладкий пожар.
Чтоб держаться на месте, Алиса,
будем долго и быстро бежать.

Я люблю непослушных детей.
Что взойдет – то и будет травой.
Завтра день – без щедрот и затей,
но пока наверху крановой.
Я бегу – но течение сносит –
да была бы вода глубока
и пронизана солнцем по осень,
до последней страницы – река.

Хризолит, аметист и топаз...
День бы времени. Час тишины.
Захлестнула удавку тропа
желтых рек и сожженной стерни.
Стойко держится против теченья
стайка рыб – в бирюзовой, живой.
Солнца нет – но тепла ощущенье.
И пока наверху крановой.

* * *

Не ожидала... Сквозь туман стекла
плывет люминесцент в пастельной гамме,
пятно прохожего, размытый свод ствола –
и вторят с двух сторон колокола
восторгу и круженью под ногами.
О где ты, Клод Моне? Соедини
восторг и боль в нетленные сюжеты –
для нас, незрячих. Красоту верни
в ослепший мир врачующим скольженьем.

Наверно, скоро Троица. Чабрец,
шалфей и мяту бабушки выносят –
нам, маловерам... От травы добрей
мой город. Руки с сеточкой венозной.
Офелия состарилась... Напор
безумных глаз погасит укоризну
и упрекнет – ну что ж ты до сих пор
не научилась доверяться жизни?

Офелия, подруга, помяни,
сомни полутона петуньи втуне
в своих молитвах. Долговязы дни,
шестую ночь сплошное полнолунье .
Моя черешня, грустный спаниель,
давай плести венки твои в сонеты.
Мир до утра не спал, не пил, не ел –
я ж не одна такая в интернете.

* * *

август – прохладнее, строже, взрослее
лето – уверенно-синего лада
классика, шорты – примета плебея
в ликах отчетливей дышит Эллада

август, оттаяли и продышали
место под солнцем и место для солнца
в робкой вселенной деревья ветшают,
дарят плоды, никакой подтасовки

август – излишество, роскошь, награда –
страннику, пахарю, барду, поэту,
не изгоняют из райского сада,
со стервоточиной яблочко это...

не умещаются плотные струи
в узкое горло большого кувшина,
не согласуются реки и руны,
не проглотившие боли аршина

лето – не кончится это же просто
надо же верить судьбе хоть немного
надо всего лишь уменьшиться ростом
снизить чувствительность там, за порогом

НОВОСВЕТСКОЕ

внутри Орла семь километров штолен,
заполненных шампанским «новый свет»,
а под горой вылизывают штормы
давно разбитый о скалу корвет

А что плохого в глине и деревьях?
От волнорезов крымский бог хранит,
прекрасное морское побережье
пока не упаковано в гранит

Коррупциозность жертвоприношений
не обуздала произвол стихий.
Дракона Капчика хочу обнять за шею
и прошептать в ушко свои грехи

О, Ты умеешь исчезать с радаров...
но здесь, в раю, светлеют без борьбы
и заливная бархатистость карих
и острый нож сверкнувших голубых

В пушистом хвойном небе Меганома
нелепо запрещать себе летать
Мое перо умеет так немного –
не рунам можжевеловым чета

не воздуху густому с пышной пенкой
не треску сокрушительных цикад
Балует терракотовым оттенком
струящийся с балкона виноград

избави бог все понимать буквально –
деревьев узелковое письмо
вулкана гнев, земли перинатальный
фатальный бред, восторг нелепый мой

Напомнишь – не твори себе кумира...
Не под слезу заточен этот стих,
я разрабатываю эту плоскость мира,
но я при этом помню о других.

* * *

стих – как цветок, побег – ему укорениться
и тонких волосков сплести тугую сеть
пить влагу-соль земли, по изгороди взвиться
чья воля изнутри цветка велит раскрыться?
кто робкому ему теперь диктует – сметь?

и стеблем, и листом, и почкой, каждой жилкой,
и завязью живой, и корнем, и пыльцой,
сложилось, зажило, изжили, изложили –
так просветлеть лицом, и выйти на крыльцо,

и зашуметь в июль прозрачной мирной сенью,
раскинуть кружева причудливых теней
пустить побег – дитя – росток – стихотворенье –
гармонии в нем нет – наверно, так честней,

пещернее, живей – сеченья золотого!
включите полонез и аромат листвы!
давай поговорим, но не в карман за словом –
а в глубину, до дна, приемы не новы,

ты помнишь, ты читал, не клиповым мерцаньем –
открытой книгой будь, не бойся, не порвут.
на ниточке висит, не тронут мирозданьем,
твой драгоценный бред и твой упорный труд

а духу нужен свет – не в блеске эмиграций,
не в мистике мессий – свой малый рубикон
увидеть, перейти, и больше не теряться
и внятно говорить своим же языком.

стерильные душой и нежные мозгами
мы свалимся с луны и перейдем на ты
и будем собирать разбросанные камни,
дописывать стихи и поливать цветы

под серебристый смех венецианской маски
бумага стерпит все (бумага, потерпи),
а наш тинейджер-век не знает о развязке
не станет опошлять вульгарным пересказом
клубящийся астрал полуденной степи

У Лукоморья дуб – весеннего разлива
детенышей-листов – волнующих, волной
оставленных... Дрожат коней зеленых гривы
у видящих в ночи всему альтернативой –
спасти и нанести свой мир на полотно.

я по рожденью – Кот. наверное,Чеширский.
то песню говорю, то сказку завожу.
смотри мне в третий глаз! я белый и пушистый,
и то, что я скажу, понятно и ежу –

наш паровоз летит – легко, как кровь по венам.
не уставай твердить – спасибо, что мы здесь.
особенно за то, что все не совершенно.
используй то, что есть.
...молись о том, что есть.

Окончание на стр. 5

Окончание. Начало на стр. 2-3-4

ОЛЬГА АНДРЕЕВА
ЗАКОН ПРИТЯЖЕНЬЯ

* * *

Ключ легко повернулся в замке.
Хризантемы кивнули – пока.
Надо в мир выходить налегке.
Как я выгляжу? В общем, никак.
Дух – невидим, а тело – невечно
и неважно. Дышало бы, шло.
Рыжий пух облетевших соцветий –
это необходимое зло,

значит, нам его не обойти.
Слишком долго стоим на мели.
Не заплакать – рецепт травести.
Облетают пятерки, нули,
юбилеи, кончается лето,
не обманешь свою колею.
Я пошла бы с тобой на край света –
только мы ведь уже на краю.

Начинается гамбургский счет,
и теряешь с реальностью связь,
с этим миром, что вечно течет,
изменяется, ропщет Save as…..
Там бы ты – пастушком со свирелью,
там бы я – пышнотелой красой…
…Даже рельсы не так параллельны,
как хотелось … Храни это все,

сохрани – как росу и траву,
как плотву на речной быстрине –
серебрится река наяву,
разметались ромашки во сне.
Дай бог памяти зла не упомнить,
незабудками детство взошло,
убирает колючки шиповник
и ложится трамвай на крыло.

* * *

Хэллоуин. Листья в последнем круженье.
К нашему дому прибился щенок
и не уходит. Его отраженье
в небе калачиком. Снизишь порог –

стрелы вонзаются точно и кучно,
но не в десятку, а все – в молоко.
Гонит и гонит по синему – тучи,
листья, туманы, упрямых щенков…

Белый без рыжего скушен и пресен.
Шелковы рыжие кудри огня.
Город контрастов кострами потрескивал.
Хэллоуин, пес, поскули за меня.

* * *

Научи меня, Господи,
просто, свободно писать,
взять стило и писать,
позабыв о форматах и стилях
тех, кто знает, как надо…
Забыть о долгах, о часах,
о холодной ломающей боли –
когда не любили.

Не на север, не в лодке,
не в холод, не в дождь, не в мороз,
а в озноб подсознания,
в ересь похожих, безликих,
как в аду,
в сирый ком закипающих слез,
оплетенный кругом
рыжей проволокой повилики.

На кушетке у Фрейда
я вспомню такие грехи,
за которые вертятся
на электрическом стуле.
Научи ворошить
мой надежно укрытый архив,
отделяя от боли
всю прочую литературу.

Мозг инерции просит,
не хочет спиральных свобод,
неучтенных, опасных,
лихих, не дающих гарантий,
не дающих плодов…
уносящих бурлением вод
и ребенка в тебе –
под сомнительным кодом «характер».

Серпантины уводят
все дальше от плоской земли,
сублимации, скуки,
привычки, инерции, дремы.
Про Русалочку – помнишь?
Часы отключились, ушли
вверх по склону – и в вечность
с постылого аэродрома.

Я останусь вверху, на плато,
здесь наглядней дела
и слышнее слова Твои –
ближе, наверное, к дому.
Архимедов огонь
насылают Твои зеркала
на корабль – и пылает фарватер
так странно знакомо…

* * *

Свет не сходится клином – он в принципе создан иначе
и заточен под веер, порой уступающий тени –
тот, японский…
раз клетка открыта, а птица внутри – это значит,
ей не надо летать, хоть могла бы по праву рожденья.

Водопады отчаянья льются с висков по гортани.
Да с чего бы? Поглубже вдохни, можжевельник утешит.
Капиллярный подсос метафизики из подсознанья
снизойдет к нелогичным веселым русалкам да лешим.

Ради цельной картины пришлось пренебречь мелочами –
и состарились. Мелочи, в принципе, делают детство,
в смысле – радость… Осталось расталкивать пипл плечами –
дежавю, повторяемся. Пройдено, некуда деться,

чистый Чехов кругом, торжество несмешного закона,
и сама-то не лучше – иду, где протоптано – жутко,
и уже на последней секунде бегу на зеленый –
мне в награду за дерзость подходит восьмая маршрутка.

Я танцовщица буто. Об этом спросите у тени,
Может, вам объяснит. Мне велит, ничего не решая
и не слушая жалоб на занятость, хитросплетенья
суеты – удержать балансир на поверхности шара.

В день рождения Будды мы выпили чашу муската,
эта ложь во спасение – очень опасный наркотик.
Все желанья твои есть твои ахиллесовы пяты,
візерункове скло, правда, я обмануться не против.

Ветер взяв за крыло, как-нибудь поднимусь по Рельефной,
оглянусь – и замру от резной синевы и прозрачной –
до Азова-планеты. Возможно, мы выживем, если
нас захочет спасти красота. Впрочем, неоднозначно.

* * *

Не стало блаженных – и кто нам предскажет пожары,
погромы, поборы, кто вовремя нас остановит?
Я все же немного сложнее воздушного шара –
наверное, возраст. Все так упростилось: до крови,

до рожи синюшной, счастливо зияющей в зиму
беззубой улыбкой – как радость в нас неистребима…
Не сдержит нас слово, в котором не стало закона –
изжито, отжато и выглядит жмыхом лимонным.

Сегодня приснилось под утро – мы утро лепили,
совсем неумело, из липкого серого хлеба,
нелепо, руками. Нас этому плохо учили,
разорвана связь поколений. Но рваное небо
беременно снегом. Неважно, что серое – белым,
чистейшим, наш случай хронический, что с нами делать?
Покой, ощущение дома встает из тумана –
ведь каждый ребенок – не только от папы и мамы.

Из сотни юродивых – сколько глядит в фарисеи?
Не стало стыда, диким шабашем выглядит праздник.
По-прежнему тупо и неумолимо взрослею.
Сегодня меня без перчаток и трогать опасно.

* * *

Вот и снова Ивана Купала.
Прошлогодний костер не затушен.
Мир трехмерен? А блики на скалах,
монологи в районе макушки –
это как сосчитать? Знаешь, лето,
я когда-то умела быть точной,
и текучие формы предметов
не сбивали раскраской восточной.

Навалишенка… Ох, навалилось…
Поразила каньоном узорным,
растворила его в иллюзорном,
зыбком мшистом лесу.
Не свалилась
вниз с карниза – за это спасибо,
за резные пушистые глыбы.
Небо льется, и льется, и льется
в пересохшее горло колодца.

По тропе живописной, с корнями,
научившей меня материться,
но корябаться бесперспективно –
вдоль реки, по неверному краю…
Это время разбрасывать камни –
как Серебряное копытце.
Что-то главное я упустила
в этой жизни. Потом наверстаю,

если стану листвой и травой –
будет время. Уйду с головой.

* * *

Каким языческим богам
молиться, чтобы солнце встало,
тумана мягкие кристаллы
осели вниз, к моим ногам?

Я не одна, когда пишу.
Мысль не нова – и слава богу.
Парадоксальную тревогу,
когда не пишется – ношу

на лгущем радостном лице,
не поднимаясь вверх из трюма.
Зане поэты – это цех
избыточных, живых, угрюмых.

Не тесен мир – да узок круг,
прекрасен, да недолог праздник.
И выскользнет кольцо из рук –
потом свеча, дрожа, погаснет.

Но – утвердить стихом свой бред,
раздвинуть стиснувшие кольца
и нанести посильный вред
морально-неподъемной пользе.

Глумится явь, блазнится даль –
будь пристальнее, соответствуй.
И надо всем плывет миндаль
дрожащей горечью из детства.

ОЛЕСЯ РУДЯГИНА
В ГОРОДЕ ЗЛАТОГЛАВОМ

ПРОЩАНИЕ СЛАВЯНКИ

...Как она его целовала
на ветру беспамятного вокзала,
как читала губами веки,
и бежали – сквозь – человеки,
поезда, голося, летели,
пели пушкинские метели,
опадала листва столетий,
занимались рассветы, дети.

...Перед небылью – небывало,
словно Господа
Целовала...

ПЕРЕПИСКА

Я пишу Наташе на Фейсбуке:
«– Как мама?»
«– Спит, заткнув уши,
накрывшись с головой одеялом,
чтобы не слышать разрывов.
Дом ходуном ходит...»

«– Сидит на стульчике в прихожей
у телефона.
Мобильники сдохли.
В ее подъезде осталось трое...»

«– Сосед принес воду, бутерброд
и... мороженое –
в округе едят пломбир, эскимо,
в праздничных довоенных бумажках, –
электричества нет,
мороженое раздали людям».

...С едой плохо.
С водой плохо.
С сердцем
Наташи плохо.

«– На Троицу расстреляли церковь.
Девочку пяти лет убили».

Будни Славянска.

11.06.14

МАДОННА. 2014

В черной маечке с надписью «Париж»,
не отпустив драгоценной ноши,
над страной июльской ты паришь,
над судьбой ее безумной горшей.
Горловки мадонна. Вот и свет. Вот Господь
и ангельское пенье...
Только не оглядывайся! Плоть
заживет... Дождаться б Воскресенья.

* * *

... Я молчу. Я по ФБ брожу,
и в очах друзей моих прекрасных
я тебя, тебя лишь нахожу...
Котики. Желанья утр ясных...

* * *

Что ты можешь, недочеловек?
В меру подл, труслив, не в меру жаден...
Как тебе рисунок этих век,
этих губ, и марианских впадин
чресл раздробленных? Как всплеск ее волос,
как цветА – А?! = алое с зеленым!..
Бесполезной туфелькой- вопрос
будет ли прощение свидомым.

28.07.14

ИЗ ЦИКЛА «МОЯ АНГЕЛЬСКАЯ МОСКВА»

* * *

Кто деньги, кто обиды, кто – успех,
а я в Москве лишь ангелов считаю...
Стремительно лечу, а не «ступаю»,
крутые бездны весело скрываю, –
такая лошадь белая для всех!
И на моей широкой, на моей
тугой, казачьей, не попоной крытой
им, ангелам, просторно светлой свитой
следить и петь судьбу столицы сей!

21.09.2014.
Самолет

* * *

...ты одна в городе златоглавом
бродишь в сердце его, не отпуская улыбку,
ты одна успеваешь заметить небо
в глазах людей, спешащих под землю,
ты одна знаешь нечто о счастье
— его без счета

отдавать можешь – нате! –
но брать страшатся.

ОСЕНЬ

... Где же «чувство» ко мне – «протяженное», как признался сам,
где расписанные именем «олесярудягина» крыши?!.
Обещал не по пьяни, или по вечной пьяни... чего уж там, –
ведь подобного сроду не слышала и не услышу.

Все-то больше любила кохати, пылинки сдувая с других,
все пером сильных крыл устилала пути ненаглядным,
но расходятся эти пути, совпаденья, дыхания, руки, круги,
но истает мой лес за осенним фасадом нарядным.
Уходяща натура болезненно. Сезон покиданья зеркал:
заменяет тот образ летящего света унылая тетка.
В площадей сатанеющих глянув смердящий оскал,
детям розочки рококо вышивать буду кротко...

Проходили*, однако, – чаушеская вязко-не-винная кровь
пролилась не сегодня, экранов слюду разъедая,
и, на бойню ведомое, стадо священных коров
стран закатных бредет в ней, восток напоследок бодая...

Впрочем, я отвлеклась. Что за чудная, право, случилась судьба:
книги лучших друзей в изголовье заполнили полки.
Крепнет чувство ко мне. В небесах. И пальба, и гульба –
диалог со Всевышним у новогодней вечноцветущей елки...

17-18.09/2015 г.

**«Вышивание гладью» – стихотворение, вошедшее в книгу «Вознесенье на Землю» (Кишинев, 1995 г.), было написано в ночь после расстрела четы Чаушеску.*

БЫТОВУХА

Ну вот еще шваркнет и это и вечное чувство вины
мучительно душное лето смертельного страха войны
тягучие гиблые метры жилья нежилая возня
на площади флажные ветры unirea* юбиря** казнят

**= союз, объединение, – лозунг румынских унионистов (рум.)*
*** = любовь (молд.)*

07.07.15

ОТВОРОТ

— Карл, верни мои кораллы,
Карл, забудь сюда ходить,
жадноокий, шестипалый,
не судьба судьбу нам вить...

Карл, верни, верни, будь ласка,
Ну, на что тебе они?
Лишь на шейке Клары – сказка,
вне – болотные огни

это чудо-ожерелье,
эти сполохи огня –
дракулы крутое зелье,
черной крови воркотня!

Карл, верни! Живи умело –
денег сладость, власти спесь, –
неужель не надоело
в жизнь мою сквозную лезть?

Крысолов, тебя не слышу,
бесполезен твой кларнет, –
на худую нашу крышу
кочетом взлетел рассвет

золотым. Как бьет крылами,
солнце кличет, клюв вострит!
Карл, беги. Бросай кораллы.
Нет?! Как хочешь. Ты – убит!

13.12.14

МИХАИЛ ФИСЕНКО
НАМ БЕЗ ЛЮБВИ НЕ ПРОЖИТЬ

* * *

Два часа до рассвета,
Два часа до весны.
Дремлет тихо планета,
Видит вешние сны.
От весны ошалела,
Не жалеет меня,
Песни светлые пела
У родного огня.
Снова русских березок
Вижу светлую стать.
Даже белым морозам
У меня не отнять
Эту светлую песню
Налетевшей весны,
Что меня обнимает
В эти вешние сны.

* * *

Можно любить бесконечно
Родины милой дымы...
Словно как в песне
О встречном, той,
Что любили и мы.
Может быть, плохо знакомы,
Может быть, кто не слыхал
Эти вечерние звоны
Те, что когда-то я знал...
Эти осенние краски,
Дальних пожаров дымы.
Русские милые сказки,
Те, что сводили умы...
Те, что нельзя перемерить,
Те, что нельзя объяснить...
Сердце в грядущее верит,
Нам без любви не прожить...

* * *

Чем пахнет земля
После зимнего снега?
Быть может, прорвавшимся
К жизни побегом,
Быть может, травой,
Что растет у дороги,
Что вместе со мной
Пишет светлые слоги.
Как сладок мне
Этот загадочный запах.
Он словно приходит
На сказочных лапах.
Приходит по мокрой
Весенней дороге,
Приносит надежды,
Любовь и тревоги.

РОДИНЫ ЦВЕТОК

Чем нам милее Родины цветок?
Когда гляжу я
Утром на восток
На птичий клин,

весной в заре летящий,
Я думаю о Родине.
Все чаще
Она ко мне приходит
Зовом строк.
Что я услышать
В птичьем крике смог,
Весну несущем нам
На смену зимам
И приходящим утром
На порог?
Что им милее
Родины цветок
И этот путь
В бескрайнем небе синем.

* * *

Сложат когда-то предания,
И городской человек
В книге без слов и названия
Будет блуждать целый век.
Думать о том, что как пройдено
И примерять на себя.
Где-то живет моя Родина,
Я не могу без тебя.
Лодки твои давно брошены,
Старый, просевший причал.
Все там размером с горошину
В мире, в котором мечтал...
Но почему-то задумаюсь,
И припаду я к окну.
Родина, милая Родина,
Я твоей грусти вдохну.
Ветром соленым настояна,
Синью бескрайней воды,
Здесь, моя милая Родина
Я оставляю следы.
Сколько дорог мною пройдено,
Сколько качало ветров,
Родина, милая Родина,
Нет для тебя других слов...
Может, они и написаны,
Сказаны кем-то любя.
Родина, милая Родина,
Я не могу без тебя.

РЕКЛАМА

УНИКАЛЬНАЯ КНИГА
О СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

«Жанровые, стилистические и профетические особенности русской поэзии середины XX – начала XXI веков. Организация современного поэтического процесса»

от автора бестселлера

«Жанры и строфы современной русской поэзии в трех томах»
Евгения Степанова

РЕКЛАМА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА

МИНИСТЕРСТВО ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Союз писателей XXI века создан в январе 2011 года, зарегистрирован в Министерстве юстиции Российской Федерации.

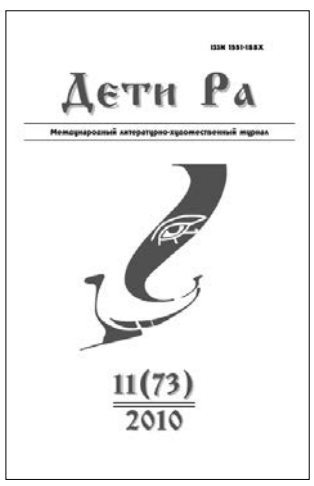
Президент Союза писателей XXI века — поэт и прозаик Евгений Викторович Степанов.

Союз писателей XXI века — общественная организация, объединяющая современных писателей из разных стран, налаживающая переводческие контакты, содействующая членам Союза в публикациях и продвижении на книжном рынке.

Союз писателей XXI века (совместно с Холдинговой компанией «Вест-Консалтинг») издает журналы «Дети Ра», «Зинзивер», «Зарубежные записки», «Футурум АРТ», газеты «Литературные известия», «Поэтоград», «Есенинский бульвар» (на болгарском языке), альманахи «Илья», «Другие», осуществляет информационную и техническую поддержку крупнейшего Интернет-портала «Читальный зал».

Каждый член СП имеет собственный персональный сайт.

Союз писателей XXI века — некоммерческая организация, которая существует за счет взносов и пожертвований.



Тел. для справок: (495) 978 62 75
Сайт: www.writer21.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАГАЗИН WWW.LITLAVKA.RU

В нашем Интернет-магазине Вы можете приобрести книги по ценам издательств без дополнительной наценки.

Все книги поступают к нам от издательств или непосредственно от авторов, минуя посредников.

Оплатить заказ можно через расчетный счет издательства «Вест-Консалтинг».

Пересылка книг за счет покупателя.

В Москве книги могут быть доставлены курьером.

Звоните по тел.: (495) 971 79 25

Адрес эл. почты: stepanovev@mail.ru

Реквизиты издательства «Вест-Консалтинг»

Юридический адрес: 109193, г. Москва, ул. 5-я Кожуховская, д.13
Банк: ОАО «Банк Москвы» г. Москва
ИНН / КПП: 7723339052 / 772301001
Расчетный счет: 40702810800670000380
БИК: 044525219
Корр. Счет: 30101810500000000219

Генеральный директор издательства «Вест-Консалтинг» — Степанов Е. В.

Холдинговая компания «Вест-Консалтинг» предоставляет услуги в области перевода на английский и немецкий языки:

- **Редактура и перевод текстов рекламных материалов и выступлений официальных лиц;**
- **Подготовка и презентация различных отчетов для руководства международных компаний и корпораций;**
- **Разработка уставов, положений, регламентов и процедурных вопросов для компаний и корпораций;**
- **Написание новостных блоков по продвижению и продаже продукции;**
- **Подготовка финансовой и правовой аналитики, разработка бюджетов;**
- **Преподавание техник проведения и прохождения интервью, технических навыков, теории и практики продаж, ораторских навыков, подготовки и ведения презентаций.**

В нашей компании работают профессионалы самого высокого уровня, носители языка.
Тел. для справок: : (495) 971-79-25

ИЗДАДИМ И СДЕЛАЕМ ИЗВЕСТНОЙ ВАШУ КНИГУ

Издательский центр «Вест-Консалтинг» — это многоуровневая и универсальная структура.

Наше издательство издает 7 литературно-художественных журналов, газету «Литературные известия» и поддерживает 15 собственных литературных сайтов. Мы выпускаем книги современных авторов — более 300 наименований в год. Мы продвигаем книги наших авторов на литературном рынке. Мы обеспечиваем распространение книг авторов нашего издательства (и других издательств) в крупнейших магазинах Москвы, Санкт -Петербурга и др. городов.

Авторы нашего издательства получают эксклюзивные возможности PR-сопровождения.

Путь от рукописи до книги и признания в литературном мире Вы пройдете наиболее быстро в издательстве «Вест -Консалтинг».

Звоните: (495) 971 –79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

САЙТЫ ПИСАТЕЛЯМ

Компания «Вест-Консалтинг» — лидер в стране по производству сайтов для писателей и других деятелей культуры.

Наша фирма сделала сайты таким знаменитым поэтам и прозаикам, как Олег Чухонцев, Евгений Евтушенко, Александр Кушнер, Инна Лиснянская, Евгений Рейн, Олеся Николаева, Юлий Ким, Тимур Кибиров, Пётр Образцов, и многим другим.

Успешно функционирует разработанный ООО «Вест-Консалтинг» сайт премии «Поэт».

Мы сберегаем архивы писателей, делаем их достоянием широкой общественности.

«Вест-Консалтинг» — это:

- Создание и сопровождение WEB-сайтов как составная часть продвижения на рынке;
- Сайты-визитки от 500 у.е.;
- Индивидуальный дизайн;
- Предоставление хостинга;
- Регистрация доменного имени;
- Система управления контентом (наполнением сайта) CMS;
- Регистрация в поисковых системах.

По вопросам заказа услуг звоните по телефону: (495) 971–79–25
e–mail: stepanovev@mail.ru
Сайт: www.west–consulting.com

Газета Союза писателей XXI века
и Холдинговой компании «Вест-Консалтинг»
(www.west-consulting.com)
Тел.: (495) 978-62-75
Интернет-ресурсы
www.poetograd.ru, http:/ / poetograd1.livejournal.com,
http:/ / www.facebook.com/ poehtograd.vestkonsalting
Общественный совет
Лео Бутнару (Румыния), Арон Гаал (Венгрия), Светлана Дион (Испания), Станислав Пенев (Болгария), Нелли Пигулева (Болгария), Константин Кедров (Москва), Дмитрий Цесельчук (Москва)
Главный редактор
Наталия Лихтенфельд
Заместители главного редактора
Владимир Коркунов, Фёдор Мальцев
Шеф-редактор
Евгений Мелешин
Заместители шеф-редактора
Василий Манулов, Сергей Киулин
Литературный редактор
Ольга Денисова
Компьютерная верстка
Анна Баринова
Отдел рекламы и связей с общественностью
Ирина Горюнова
Интернет-версия
Максим Жуков, Николай Баринов, Наталия Лихтенфельд
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-47357 выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)